

Мелентьев П. В. Два отрывка из воспоминаний // Уроки гнева и любви : Сб. воспоминаний о годах репрессий (1918 год - 80-е годы) / сост. Т. В. Тигонен. - СПб., 1994. - Вып. 7. - С. 171-177.

ДВА ОТРЫВКА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

... Когда я прибыл на свое шестое по счету место заключения, при приемке обратили внимание, что я еле передвигаю ноги и потому являюсь, несомненно, кандидатом на тот свет...

За последний месяц я настолько ослабел, что кожа у меня превратилась в пересохший пергамент, из каждой трещины которого сочилась кровь. Когда в пересыльной тюрьме нашу камеру водили в баню, мои товарищи сторонились меня, полагая, что у меня какая-то заразная кожная болезнь. Меня заставляли мыться в сторонке и после всех.

Начальником лагпункта был некто Сидоренко, человек не типичный для лагерного начальства, обычно весьма спокойно относившегося к условиям жизни своего контингента заключенных. Сидоренко был человеком доброжелательным и не стремившимся увеличивать чужие неприятности. Каков поп, таков и приход - в лагере чувствовалось человеческое отношение к зека.

Меня сразу же определили в лагерную больницу, где я даже получил отдельную клетушку. В течение недели я валялся на кровати или бродил по комнаткам-палатам, не чувствуя себя хуже, но и не замечая улучшения своего состояния.

В один из дней мне удалось быть сытым, так как я выполнил для кухни одну сдельную работу. На кухне были весы, но не было разновесов за исключением полукилограммовой гири. Мне предложили сделать из кирпича набор разновесов, совсем как в задачах книги "В царстве смекалки", пользуясь единственным эталоном. За то, что я решил эту задачу из области прикладной математики, мне дали вторую порцию обеда, причем большую, чем основная.

К сожалению, весы были только одни, и других возможностей для применения моих знаний не находилось. Я всячески пытался предлагать свои услуги в области канцелярской отчетности и в некоторых других, но кончились мои попытки подработать очень печально. Придя на очередной прием к врачу, я издали прочитал в своей истории болезни, лежавшей на столе: "Заметно ослабление психики, навязчивость..."

- 172 -

Надо сказать, что пеллагра страшна комплексом трех Д: деменцией, диареей, дистрофией, по-русски говоря, расстройством мышления, поносом и истощением.

Не желая попасть в число ненормальных, я начал сдерживаться в своих попытках найти себе применение и даже уйти из больницы.

С этой целью я узнал, где находится контора лагпункта, и однажды как был, в больничном халате явился к начальнику. Он не удивился моему не этикетному виду, разрешил сесть и начал расспрашивать. Узнав, что я математик Мелентьев из

Ленинграда, он сказал:

- Я тоже оттуда. Скажите, не приходилось вам в Ленинграде встречаться с математиком-эстрадником Арраго?

На мой утвердительный ответ он заявил, что знает меня по моему состязанию с Арраго. Поясню, о чем речь.

Будучи студентом, я любил заниматься различными приемами, облегчающими вычисления в уме. Еще на втором курсе, когда мы проходили сопротивление материалов (Ленинградский институт инженеров путей сообщения), в аудитории обычно работали над обработкой лабораторных заданий, разбившись на две группы. Одна производила вычисления с помощью таблиц логарифмов и счетной линейки, другая пользовалась для вычисления мною.

Когда в 1925 году я попал на железнодорожную практику в Саратов, однажды мое внимание привлекли громадные афиши:

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ – МАТЕМАТИК ФЕНОМЕН АРРАГО!

МГНОВЕННЫЕ ВЫЧИСЛЕНИЯ В УМЕ! МОЗГ ГРАЖДАНИНА АРРАГО ПРОДАН ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК! СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ!

Интересуясь всем, что касалось вычислений, я пошел на выступление Арраго, состоявшееся в городском саду. Арраго проделывал действительно интересные вещи: множил друг на друга два пятизначных числа, суммировал почти моментально несколько шестизначных чисел, вычислял день недели, приходившийся на определенное число, взятое в нынешнем или прошлом веке, а затем, отвернувшись от доски, повторял на память все на ней записанные числа, которых было много.

Мне все это так понравилось, что на следующий день я принес в редакцию "Саратовских известий" статейку о вычислениях Арраго, которая была опубликована вместе с его фотографией. В статье я восхищался Арраго, как действительно выдающимся вычислителем.

С того времени прошло три с половиной года, и Арраго должен был выступать со своим сеансом в нашем институте.

11 марта 1929 года в громадном амфитеатре Ленинской аудитории собралось с полтысячи студентов и преподавателей института. Все с интересом следили за работой Арраго. Закончив основную программу, тот через своего помощника обратился к аудитории с таким предложением:

- 173 -

- Гражданин Арраго предлагает всем желающим посостязаться с ним в скорости вычисления!

Я в это время сидел в амфитеатре с бумажкой, самостоятельно проверяя решения, получаемые Арраго. Состязаться с ним мне и в голову не приходило. Однако наши студенты начали кричать:

- Пусть Мелентьев идет!

Делать нечего, я вышел к доске.

Директор института профессор Владимир Владимирович Арнольд предложил нам с Арраго покинуть зал, после чего сам написал на двух рядом висевших досках предлагаемое нам задание: нужно было перемножить два семизначных числа. При этом разрешалось записывать лишь результат, без каких бы то ни было промежуточных вспомогательных записей.

Нас обоих позвали в зал. Мы вошли, подошли каждый к своей доске и начали вычислять.

Я был абсолютно спокоен - ведь я ничем не рисковал. Если бы даже я опоздал или ошибся, в этом бы не было никакого позора: ведь я соревновался с великим Арраго.

Сначала в аудитории было тихо, но по мере того, как я подходил к концу вычислений, начал нарастать шум. Я подумал, что Арраго, должно быть, уже кончил. Но решил, тем не менее, довести дело до конца, чтобы сравнить потом, смог ли я перемножить правильно.

Когда я написал последнюю цифру, в зале, казалось, обрушился потолок. Взорвавшийся грохот аплодисментов заставил меня взглянуть на соседнюю доску, и я с удивлением увидел, что у Арраго из четырнадцати знаков результата было записано лишь шесть, причем одна из цифр не совпадала с моей. То же самое заметил и Арраго и закричал:

- У него наврано... смотрите, цифры не те!..

Кто-то пошел в институтскую библиотеку и принес арифмометр. Перемножили на арифмометре. Оказалось, что ошибка была у Арраго.

С этого дня меня начали звать "победителем Арраго". Появилась заметка в "Вечерней Красной газете", затем в "Известиях ВЦИК" о том, что меня принял Луначарский, которому я демонстрировал свои вычисления и так далее.

Все это было известно Сидоренко. Он дружески без тени издевательства посоветовал мне:

- В нашей больнице вы не поправитесь. Скажите, вы могли бы работать по специальности?

- Думаю, что смогу.

- Тогда выходите завтра на работу. А мы постараемся вас подкормить.

На следующий день меня вместе с отрядом работавших на территории областного Управления лагерей отправили на работу. Должен сказать, что лежание в больнице еще более ослабило меня: я с трудом дошел до управления. Последние сто метров были слегка в гору, и мне пришлось идти, упираясь руками в колени. Иначе ноги не выдерживали.

Мне было ведено зайти сначала к инженеру Андреевскому, который

жил не в лагере, а тут же на территории управления в клетушке служащих канцелярией.

Когда я вошел и в изнеможении опустился на какое-то сидение, Андриевский спросил:

- Что с вами?

- Из-за переброски на новое место мне сегодня не выдали хлеба. Я же, к сожалению, не лошадь, которая бежит с прошлого овса, и потому полностью потерял резвость.

- Возьмите, пожалуйста, ешьте, - и Николай Александрович достал из какой-то сумки кусок хлеба размером с нашу суточную пайку и протянул мне.

- А вы сами?

- Не беспокойтесь, у меня хватает.

В то время из-за такого куска хлеба даже на воле могли ограбить человека. А в лагере хлеб был эквивалентом крови.

Я не выдержал и заплакал. Потом начал есть. Подкрепившись, дождался провожатого, который отвел меня к начальнику строительного отдела управления инженеру Тарнопольскому.

Тарнопольский оказался таким же славным, как и Сидоренко. Расспросив меня о моей специальности, он предложил мне самому выбрать тему, которую бы я хотел разрабатывать.

Я подумал и предложил взять на себя составление графических таблиц функций двух переменных и комплексного переменного. Тарнопольский не имел против этого никаких возражений и даже не связал меня сроками. Он дал распоряжение, чтобы в комнате, где я буду работать, поставили топчан, на котором я мог бы отдохнуть, если плохо себя почувствую.

И еще: я получил записку, адресованную учетчику, на которой было написано: "Кормить по нормам пайка з/к Андреевского."

Это было спасением, которым я всецело обязан Н. А. Андреевскому. Расскажу немного о нем. Он работал в Ленинграде в Дизельном научно-исследовательском институте. В самом начале войны по какому-то делу судили одного сотрудника института, и Николай Александрович должен был выступить свидетелем. Он выступил, резко критикуя прокурора, выступление которого счел несправедливым и явно тенденциозным. Прокурор обиделся. На следующий день Андреевского арестовали, предъявив ему обвинение в умышленной дискредитации суда. Присудили пять лет заключения, и отправили в Новосибирск. Ехал он еще по железной дороге, а не на барже, и доехал вполне благополучно.

В Новосибирске он просил разрешения продолжать одну из своих научных работ - по биметаллическим подшипникам для паровозов. Ему позволили. Проработав в заключении полтора года и добившись значительных результатов, он был досрочно освобожден и выехал в город Голутвин, где в это время находился в эвакуации Дизельный институт.

Когда по снятии блокады институт вернулся в Ленинград, Андреевскому въезд туда не разрешили. Потребовалось усиленное ходатайство дирекции, чтобы ему позволили временное проживание в Ленинграде.

Андреевский начал хлопотать о пересмотре дела и из Верховного Совета получил ответ, что пересмотр не может состояться по той простой причине, что приговор давно отменен Верховным судом и никакой судимости вообще не существует. Так оказалось, что в то время, когда ему не разрешили въезд в Ленинград, он уже был полностью реабилитирован, но ему забыли об этом сказать.

В то время, о котором я пишу, Николай Александрович отсидел около года и добился значительных результатов по подшипникам. Лагерное начальство, ввиду успешного хода его работы, решило наградить Николая Александровича усиленным пайком, вот этим-то усиленным пайком благословили теперь меня и некоего инженера Желтухина.

Паек заключался в следующем: 900 граммов хлеба в день, 600 граммов сахара и 450 граммов сливочного масла в месяц, кроме того, полагалось два рациона - ударный и больничный, то есть два завтрака, два обеда и два ужина. Сверх всей этой благодати давали еще так называемое "премблюда", значит, премиальное блюдо. Обычно это была лишняя порция каши.

Это было настолько роскошное снабжение, что ради него многие вольные граждане охотно перешли бы на казенное иждивение.

Через пару недель я почувствовал прилив сил. Ноги перестали подгибаться на каждом шагу, кожа перестала кровоточить, но в процессе заживления стала так неистово чесаться, что временами невозможно было остановиться, почесывая зудящее место, и доходило до судорог по всему телу. Впрочем, это скоро прошло. Я уже мог легко подниматься в горку возле Управления лагерей.

Наше жилое помещение было хорошим одноэтажным домом, в комнатах которого были устроены нары с матрасами, подушками и одеялами. В доме было тепло и не очень тесно, так что воздух был чистый.

Хотелось бы работать в таких прекрасных условиях до окончания срока, но, к сожалению, скоро это блаженство для меня кончилось. Начиналось третье следствие по делу...

2

СЛОВО О ТЕПЕРЕ

... В Томской тюрьме мне пришлось быть в нескольких разных камерах. Дело в том, что в этом заведении было очень много клопов, безудержно размножавшихся вследствие наличия обильного корма в нашем лице. Боролись с клопами значительно слабее, чем со вшами, так как вши грозили сыпным тифом, а клопы лишь доставляли некоторое неудобство заключенным.

Время от времени, когда количество клопов становилось невыносимым, одну из камер освобождали от заключенных и ее досчатый пол обдавали крутым кипятком, уничтожавшим почти всех, но опять-таки не всех

клопов. После этого в очищенную камеру после бани переводили жильцов другой

камеры, которую в свою очередь обваривали.

Банная процедура заключалась в том, что сначала нас подстригали, затем мы натирались сольвентом (средством от вшей), получали по маленькому, с кусок рафинада, куску мыла и шли мыться.

Воды было достаточно и теплой, и холодной. Мочалки мы заменили носовыми платками или другими тряпицами. Надо сказать, что мыло военного времени было весьма слабым и быстро измыливалось, так что его хватало лишь на половину тела. А в общем в бане было неплохо. Только выбитые кое-где оконные стекла создавали неприятные сквозняки, из-за которых мы старались поскорее помыться, чтобы не зябнуть. Возможно, именно по этой причине - увеличения пропускной способности бани, - стекла и не вставлялись.

После бани приходилось влезать в свое хоть и прожаренное, но такое же грязное белье. Оно, в конце концов, приобрело цвет хаки, уже не менявшийся до полного ветшания материи.

После одной из бань я оказался в камере по соседству с евреем лет сорока пяти. Звали его Тепер, Самуил или Соломин Абрамович. Несколько дней, проведенных с ним, были лучше многих других. Был он - не помню точно — сионист или бундовец. Но все это осталось в прошлом. По видимому, в молодости он был настолько известен, что когда в 1922 году ему пришлось сидеть, его поместили не где-нибудь, а во внутреннем изоляторе Тобольской тюрьмы, где в то время держали лишь более или менее выдающихся меньшевиков или других противников советской власти.

Тепер рассказывал мне, а я слушал словно фантастическую повесть, как в те времена обращались с политическими заключенными. В то время это были действительно политические заключенные, а не те, которых мне пришлось увидеть за время моего пребывания в пансионах Лаврентия Павловича, и которым 58-я статья шла как корове седло. По совести говоря, я не встречал действительных контрреволюционеров. Нельзя же считать политическими воров, пытавшихся бежать и получивших за это 14-й пункт 58-й статьи, или пьяного вагонновожатого, или вообще глухонемого.

Но возвращаюсь к рассказу Тепера.

Тобольский внутренний изолятор, в котором он сидел, находился на дополнительно огороженном высоким забором участке Тобольской тюрьмы. В изоляторе было сравнительно небольшое количество камер и дворик, в котором заключенные в изоляторе могли не только гулять, но и играть в горелки без ограничения времени. Камеры днем не запирались, и арестанты могли ходить друг к другу в гости.

Камера, в которой пребывал Тепер, имела по числу проживающих в ней 12 кроватей с матрасами, простынями, подушками и одеялами. Возле каждой кровати имелась тумбочка-шкафчик для хранения мелких вещей. Кроме того, в комнате (ее трудно назвать камерой) был большой стол и 12 стульев.

- 177 -

Каждое утро камеры изолятора обходил тюремный повар и спрашивал постояльцев, что бы они хотели съесть на обед. У большинства заключенных были денежные источники за пределами тюрьмы, и все, полученное извне, как правило, принадлежало всему коллективу камеры.

Повар под конвоем ходил на рынок и приносил все, чего не было в тюремном

снабжении. В дни семейных праздников заключенных (дни рождения, например) обеды бывали лучше.

Желающие занимались научной работой, причем по их заявкам из Тобольской городской библиотеки приносили, а иногда и привозили нужные книги. Заявки удовлетворялись в тот же день или на следующий. Когда кому-то потребовалась для справок энциклопедия Брокгауза и Эфрона, она была ему полностью доставлена на телеге - все 84 тома.

Словом, тюрьма отличалась от дома отдыха лишь тем, что путевка была продолжительной.

Отсидев в этой тюрьме два или три года, Тепер вышел на свободу и работал где-то под Очаковым в винодельческом совхозе, помнится, бухгалтером. В начале войны его снова арестовали, приписав ему контрреволюционную агитацию, и в дальнейшем дали семь лет.

Как сосед, он был очень приятным человеком, стоически переносившим тюремные невзгоды. Он даже не слишком сердился на тех, кто его посадил, полагая, что в его несчастьях была виновата его прежняя деятельность. Когда его вызывали из камеры на суд, происходивший тут же в тюрьме, и он пришел с сообщением о вынесенном ему приговоре, на его лице трудно было прочесть какие-либо признаки потрясения. Он был спокоен, будто и не надеялся на лучшее. Вскоре его взяли их камеры, но я долго помнил о нем, как о прекрасном мужественном человеке.